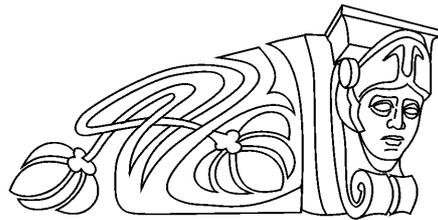

УДК 94(470.44)

Социально-психологические факторы восприятия революционных событий 1917 года в солдатской среде (по материалам Саратовской губернии)

Н. В. Аленичева

Аленичева Наталья Владимировна, аспирант кафедры истории России и археологии, Саратовский национально-исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, aleni4ewa.nat@yandex.ru

В статье предпринят анализ перипетий революционных событий в России через призму социокультурной и социопсихологической динамики провинциального общества. Исследовательский ракурс направлен на изучение настроений солдатских масс в период политического кризиса 1917 г. Формулируется вывод о том, что солдатские гарнизоны, находившиеся в крупнейших городах страны, по большей части не были готовы к восприятию и поддержке демократических преобразований новой власти.

Ключевые слова: армия, гарнизоны, политический кризис, Саратовская губерния.

Поступила в редакцию: 13.03.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Socio-psychological Factors of Perception in the Soldier Environment of Revolutionary Events of 1917 (According to the Materials of the Saratov Province)

N. V. Alenicheva

Natalia V. Alenicheva, <https://orcid.org/0000-0002-8615-2667>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, aleni4ewa.nat@yandex.ru

The article analyzes the vicissitudes of revolutionary events in Russia through the prism of socio-cultural and socio-psychological dynamics of provincial society. The author's research perspective is aimed at studying the mood of the soldiers' masses during the political crisis of 1917. The Author comes to the conclusion that the soldiers' garrisons located in the largest cities of the country were mostly not ready to accept and support the democratic transformations of the new government.

Keywords: army, garrisons, political crisis, Saratov province.

Received: 13.03.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-554-558>

В последнем десятилетии прошлого века в отечественной исторической науке обозначились новые исследовательские тренды в изучении различных граней процесса социокультурных и политических

трансформаций позднеимперской России. Вместе с тем обозначились и новые концепции в исследовании революционных событий 1917 г. В частности, более привлекательными стали научные изыскания в области социальной истории и антропологии, которым не уделялось должного внимания в советской историографии, где, по мнению Ю. В. Варфоломеева, «на первый план выдвигались проблемы, связанные с социально-экономическими вопросами, классовой борьбой и революционным движением, и по этой причине история, как правило, изучалась вне человека, вне личности»¹.

В настоящее время большой популярностью пользуется точка зрения о том, что революционные процессы первой трети прошлого столетия происходили в первую очередь в сознании людей. В рамках направления социальной истории, предполагающей использование методов смежных социально-гуманитарных дисциплин, рассматривается проблема отношения к происходящему «обывателя»: крестьянина, рабочего, солдата, студента и т. д. Ментальные, социокультурные, социопсихологические характеристики разных социальных слоев стали распространёнными сюжетами современных научных исследований. В наиболее общем виде это можно выразить, как считает Ю. В. Варфоломеев, формулой: «Не только история действует в человеке, но и человек и его поступки создают её»².

Одной из главных сил, определивших ход событий в революционном процессе 1917 г., стала армия, представлявшая собой гигантскую социальную массу: на фронте солдат и офицеров было 9620 тыс., в запасных частях тыловых военных округов числилось до 1,5 млн чел. в военной форме³.

Население Поволжья в годы Первой мировой войны, особенно губернских и ряда уездных городов, столкнулось с новой реальностью в городской среде – притоком военнотружущих на длительный срок, мобилизованных призывников и запасных, вливавшихся в состав городского социума. Связано это было с нахождением на территории городов гарнизонов и запасных частей.

В Саратовской губернии к 1915 г. воинские формирования размещались в Саратове (3 пехотных и 2 пулеметных полка, 2 артиллерийские бригады, 2 отдельных артиллерийских дивизиона и пешая дружина)⁴. В городах оседали дезертиры, бежавшие с фронта и во время поездки на фронт. Причем состав воинских частей, размещенных в поволжских городах, в течение военных лет менялся. Таким образом, в конкретную среду постоянно вливался

новый социальный конгломерат, ранее чуждый данной территории.

В городах Поволжья присутствовали фронтовики, проходившие лечение в лазаретах и госпиталях, а также посещавшие родных во время краткосрочных отпусков, предоставлявшихся военнослужащим после лечения. Поволжские губернии входили в состав эвакуационных районов. На территории Саратова был создан окружной эвакуационный пункт, куда прибывали раненные и больные с фронта. На территории города и губернии госпитали и лазареты для раненых фронтовиков располагались в самых различных учреждениях. Так, уже с конца 1914 г. военнослужащие, побывавшие на фронте, могли общаться с жителями тыла, являясь носителями информации, передаваемой ими лично. Поток раненых и больных солдат, прибывавших на лечение в Поволжье, был массовым. К примеру, в г. Саратове только за август 1914 г. было принято 2975 раненых⁵.

В городах формировалась новая категория населения – больные и раненые фронтовики, ведущие себя, как дезертиры, и оказывавшие влияние на мировоззрение горожан. Причем это уже были не наивные деревенские парни, вышколенные военной муштрой, а солдаты, побывавшие на фронте, видевшие его подноготную, постоянно ощущавшие смерть и страх, изменившие их психику и сознание. Прошедшие бои и окопные лишения, эвакуированные нижние чины были одной из самых деморализованных групп, склонной к анархии, жестокости и насилию, беспокойным элементом в тыловых гарнизонах. Характерным в этот период становился тот факт, что во многих уездных центрах Нижнего Поволжья вначале создавались Советы солдатских депутатов: в Камышине, Петровске, Кузнецке, где размещались довольно крупные гарнизоны, которые оказывали определяющее влияние на местную политическую жизнь⁶.

Взгляды, настроения, симпатии и антипатии солдатских масс доминировали в общественном сознании, так как зачастую с ними вынуждены были считаться другие слои населения. Армия представляла собой гетерогенную социальную массу, включающую в себя представителей различных социально-демографических групп и служащую индикатором происходящих в стране процессов. Ввиду этого изучение социальной психологии солдатских масс дает возможность рассмотреть важную составляющую социокультурной динамики российского общества в период революционных процессов.

Анализ мотивов, социокультурных, психологических и ментальных факторов, влияющих на поведение армейских масс в 1917 г., представляет собой крайне сложную методологическую задачу. Наиболее целесообразно рассматривать эту проблему через призму формирования социально-психологических особенностей солдатских масс, их убеждений, проявляющихся в действии, поведении и поступках солдат.

По своему составу армия оставалась преимущественно крестьянской, поэтому социопсихоло-

гическая модель солдатских масс определялась главным образом особенностями социокультурного облика русского крестьянства. Еще с начала XX в. в ходе развития капиталистических отношений и начавшейся модернизации российскую деревню настигли кризисные явления: менялась социально-экономическая жизнь деревни, происходила трансформация традиционной системы ценностей крестьянского мира.

Тяжким бременем русской деревни стала Первая мировая война. Значительная часть мужского трудоспособного населения была призвана на военную службу. Из 15,5 млн мобилизованных за три с половиной года войны 12,8 млн чел. были призваны из деревни⁷. Человек, попавший на фронт, был вырван из привычной для него социокультурной среды, поэтому зачастую первой реакцией мобилизованных на войну был психологический шок, нашедший отражение в их асоциальном поведении: захвате винных складов, пьяном разгуле, разгроме, нападении на полицию, поджогах помещичьих имений и хуторов зажиточных крестьян.

Поражения на фронте, экономические трудности в тылу, ухудшавшие материальное снабжение войск, казарменный быт вызывали недовольство солдатских масс. Об их настроениях свидетельствуют письма на родину. Так, в саратовской печати можно встретить заметки о настроениях в г. Камышине. Местный житель от солдат узнал, что «армии все равно, хоть сам Вильгельм будет править Россией, порядка больше будет, а воевать говорят они (солдаты), мы не будем, пусть воюют буржуи всех стран»⁸.

В Самаре в 1915 г. рядовой, прибывший в город, сообщал горожанам сведения о жизни в армии, о лишениях на фронте, о неготовности России к войне, о «засилье» немцев в администрации, которое должно привести к поражению России, о родственных связях Николая II и германского императора Вильгельма, а также о ведении войны с целью «убивать народ, так как его очень много, а земли не хватает»⁹.

Характеризуя настроение населения Казанской губернии в октябре 1915 г., начальник Казанского губернского жандармского управления зафиксировал в отчете, что прибывающие «с театра войны увечные, больные, раненые зачастую рассказывают небылицы», описывают пережитое «в мрачных красках»¹⁰.

Как и в письмах фронтовиков, составляющей негативной информации в рассказах военных, прибывших на лечение и на побывку, являлась критика правительства. Одним из самых распространенных обвинений власти были слухи о целенаправленном вредительстве интересам страны руководителей немецкого происхождения.

Саратовский губернатор в донесении от 16 июля 1915 г. в Департамент полиции особо отмечал: «Как в письмах из армии, так и в толках, распространяемых на местах возвратившимися с театра войны солдатами, отмечается апатия действующей армии, переутомление ее, жажда вернуться по домам»¹¹.

В марте 1917 г. от Временного командующего войсками Казанского военного округа Комиссаром по управлению г. Саратовом и губернией была получена телеграмма, в которой говорилось о сложной ситуации на фронте, о том, что «каждый день к позициям неприятеля на северном фронте подходят подкрепления, боевые припасы и продовольствие», сам Петроград и его окрестности «наводнены германскими шпионами <...> укрывающимися в толпе, волнующие самых робких и слабых»¹². Примечательно, что такая пропагандистская информация, поступавшая от высших должностных лиц в государстве и направленная на сплочение населения, в конечном счете начинает играть против них самих, раскручивая карусель шпиономании и подкрепляя образ предательской государственной верхушки, виновной в бедственном положении страны.

В рамках своего мировоззрения солдаты пытались понять, почему бедствуют они сами и их семьи? На кого возлагается эта вина? Что необходимо сделать, чтобы изменить ситуацию?

Чаще всего неудачи армии солдаты объясняли тем, что в стране много изменников, предателей и шпионов на высших должностях. В сознании солдат укоренились мысли, что за деньги, подарки нарушается всякая справедливость во взаимоотношениях военнослужащих. Армейская масса делала вывод: если уж чистить армию, так надо «начинать с головы», т. е. с самого Николая II, ибо «какой это царь, который окружил себя жуликами и всякими мошенниками»¹³.

Рейтинг Николая II, возложившего на себя функции Верховного главнокомандующего, упал в армейской среде до крайне низкого уровня. Этому способствовали истории с Распутиным¹⁴, а также немецкое происхождение императрицы Александры Федоровны. Так, в армии получила распространение самодельная открытка, на которой Григорий Распутин обнимает Николая II и Александру Федоровну с надписью: «Встроим-то лучше!». Солдаты громким и залившимся хохотом реагировали на нее, открыто говорили, что «царю Николашке недолго осталось править Россией»¹⁵.

Все активнее в действующей армии муссировались слухи о «немецкой партии», якобы сложившейся вокруг императрицы Александры Федоровны, о других «темных силах», окружавших престол, о продаже немцам территорий России за золото и т. п. Известный российский историк Г. Л. Соболев отметил интересный факт: почти все визиты Александры Федоровны в Ставку были строго засекречены, так как в войсках существовало твердое убеждение, «что после каждого такого посещения русская армия терпела поражения»¹⁶.

В этот период изменяются и религиозные представления, и чувства населения, в частности солдат. Российская идеология носила религиозный характер, в свою очередь, начиная с XVIII–XX вв., религиозные учреждения, главным образом православные, приобрели характер государственных органов, в большей степени выполняющие

формальные обязанности. Кризис официальной церковной институции означал и кризис государственной идеологии в целом и, соответственно, десакрализацию и делегитимизацию власти¹⁷. Таким образом, в годы Первой мировой войны в России отсутствовала адекватная новая государственная идеология, в то время как традиционные институты функционировали недостаточно полно.

При легитимной и авторитетной власти солдат находился в повиновении ей и покорно мирился с этим. В условиях начавшейся дискредитации офицерского состава армии и монархии порядок в частях размывался, падала дисциплина, начиналась физическая и моральная деградация немалой части армии на почве пьянства и безделья. Карточные игры, пьяная и распутная жизнь стали частым явлением в армейской среде. Улицы городов Российской империи были наполнены людьми в военной форме, часто находившимися в нетрезвом состоянии.

К 1917 г. в воинских частях скопилось большое количество солдат, не желавших служить и тем более воевать. Масса дезертиров, не имевших определенного занятия и средств к существованию, бродя по городам и селам, представляли угрозу властям при возможных волнениях. Беглые солдаты бродяжничали, грабили, мародерствовали. Солдаты тыловых гарнизонов являлись инициаторами множества пьяных погромов и беспорядков. Помимо этого, происходило распространение среди населения слухов о военных неудачах России. Все это вместе возбуждало население, обостряло ситуацию в городах.

Февральские события 1917 г. взбудоражили солдатские массы и породили у них надежды на скорое решение всех волнующих их проблем. Новость о падении монархии большая часть солдат встретила с энтузиазмом и поддержала революцию. Вместе с тем важную роль солдаты сыграли в смещении и арестах представителей царской власти во многих регионах страны.

Выдернутый из деревни, оторванный от семьи, прошедший фронтовые невзгоды и казарменный быт, вчерашний крестьянин – сегодняшний солдат был способен привнести в революционное движение огромный разрушительный потенциал. Росту деструктивных тенденций способствовал неизбежный во всякой революции процесс массовизации¹⁸.

Один из видных представителей социальной психологии Г. Лебон утверждал, что каждый человек, становясь частицей толпы, опускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации, так как толпа превращает цивилизованного человека в варвара, инстинктивное существо¹⁹.

Революционные события февраля–марта 1917 г. сопровождались насилием и хулиганством, исходившим от солдат. Так, на Губернском съезде комиссаров в Саратове докладчик из г. Камышина рапортовал: «Дезорганизующий элемент в уезде – солдаты, в особенности дезертиры, допускающие даже вымогательства под угрозой целых карательных экспедиций. Были попытки отправить дезертиров к воинскому начальнику, но отправленные

скоро возвращались опять и под угрозами расправой оставались дома. Оказалось, что воинский начальник выдавал дезертирам проходное свидетельство и направлял их в соответствующие части, а дезертиры с первой же станции возвращались домой»²⁰.

В г. Петровске неоднократно предпринимались попытки солдат разгромить винные склады и разлить вино и спирт, сопровождавшиеся нападением на склад. В результате полиции пришлось прибегнуть к огнестрельному оружию, и дело кончилось ранением 18 чел.²¹

Конечно, животрепещущим среди солдат стал аграрный вопрос. «Земля и мир – вот две загаянные мечты, прожигавшие, подобно каленому железу, все существо солдата-крестьянина»²², – вспоминал генерал Ю. Н. Данилов. В решение земельного вопроса солдаты призывали крестьян в деревнях самостоятельно встать на защиту своих интересов. Очень часто солдаты сами выступали зачинщиками аграрных волнений, вставали во главе крестьянских выступлений. Например, в Кузнецком уезде Саратовской губернии «появился солдат из уголовных, сумевший создать целое движение среди крестьян и только соединенному заседанию всех общественных организаций удалость арестовать авантюриста»²³.

В одном из отчетов отдела сношений Государственной думы с провинцией подчеркивалось, что, как только в деревнях появлялись солдаты, «сейчас же начинались резкие выступления против помещиков»²⁴. Так, в Петровском уезде согласно рапорту комиссара «до наступления сенокосов все было спокойно. Но во время сенокосов начались захваты помещичьих и отрубных покосов», что комиссар объяснял агитацией матросов, приехавших из Кронштадта: «Например, помещик Рокотов обычно ладил с крестьянами, но с приездом в Троицко-Вырыпаево кронштадского матроса все пошло, как говорят, вверх дном»²⁵.

Солдатские настроения, острый вопрос о власти в период после февраля 1917 г. подвели армию в эпицентр борьбы между политическими партиями. Идеологическое воздействие партий на солдатские массы происходило в процессе митингов, демонстраций посредством печати и других средств агитации. Солдаты доверчиво относились к обещаниям партий, эмоционально реагировали на их публичные выступления. «Солдаты склонны были хлопать каждому, кто красиво и с подъемом скажет речь; смысла же речи, по темноте своей, они пока не способны были усвоить»²⁶.

В феврале 1917 г. в России появилась демократия в организационно-политической структуре, но отнюдь не в социально-психологической. В массовом сознании зачастую политически невежественные в своей массе солдаты не воспринимали отвлеченные призывы, солдатам более понятными были лозунги: «Мира!», «Земли!». Эти желания они не встретили в политике Временного правительства или армейских общественных организаций, что постепенно привело к усмирению революционной эйфории, а также политической апатии и недо-

верию. К тому же, как отмечают В. В. Васькин и Г. А. Герасименко, Временное правительство после Февральской революции считало единственным источником власти губернских и уездных комиссаров, назначенных им же вместо отстраненных от власти губернаторов и уездных исправников. В этом процессе «демократическим инстинктом массы чувствовали стремление Временного правительства возродить единоличную губернаторскую власть»²⁷.

Летом 1917 г. обозначился более глубокий раскол между армейскими массами и демократией. Этот процесс был ускорен подготовкой июньского наступления русской армии на фронте и отправкой в действующую армию запасных войск.

Прежнее монархическое государство было разрушено, но оно еще продолжало существовать в общественном сознании, выражаясь привычками и первичными реакциями. Социальные массы, утратив веру в силу царизма, не отреклись от давних представлений о типе государственного устройства, в котором власть была сильной, независимой и безраздельной. Временное правительство, не обладавшее этими качествами и не решавшее основные вопросы, в итоге лишилось поддержки армии.

Событием, повлиявшим на политическую обстановку в стране и усилившим значение солдат в общественно-политической жизни страны стал так называемый «корниловский мятеж» в августе 1917 г. После случившегося солдаты в который раз посчитали себя обманутыми властями, усилились разочарование во Временном правительстве и усталость от тягот казарменного быта. Как отмечает И. М. Ионенко, «на собраниях солдатских депутатов принимались постановления, требовавшие немедленного ареста Корнилова, «прекращения политики соглашательства с буржуазией»²⁸, к тому же солдаты еще упорнее стали срывать приказы об отправке на фронт. С каждой земли и мира солдатская масса встречала октябрь 1917 г.

Еще накануне, в сентябре 1917 г., изо дня в день нарастала большевизация широких солдатских масс, а в октябре крупнейшие гарнизоны в Казанском военном округе от Екатеринбурга до Царицына перешли на сторону большевиков и сыграли важную роль в установлении Советской власти. По утверждению И. М. Ионенко, «во всех, даже самых захолустных гарнизонах в октябре солдаты пошли за большевиками, так как их собственный опыт борьбы убеждал в полном предательстве народных интересов со стороны соглашателей»²⁹.

В самом деле, наиболее адекватной традиционному массовому сознанию оказались ясность и простота большевистских программ. Ощущая потребность в сильной государственной власти и твердом порядке, определяя постоянную готовность к расправе с «врагами» и выдвигая популистские лозунги: «Мира!», «Хлеба!», «Земли!», «Воли!», леворадикальные силы быстро и стремительно завоевывали симпатии в армейской среде.

Большевики создавали и вели срочную подготовку собственных силовых структур и, как под-

черкивает А. А. Герман, «активно занимались созданием вооруженных рабочих формирований еще с лета 1917 г., которое осуществлялось под ленинским лозунгом пролетарской милиции»³⁰.

Таким образом, к октябрю 1917 г. на место революционной романтики и эйфории февраля–марта приходят совершенно другие социопсихологические доминанты. Превалирующими настроениями в солдатской среде теперь становятся апатия и безразличие к происходящим переменам. В связи с недоверием большинства армейской массы к политической власти меняется поведенческая модель солдат, преобладающими чертами которой становятся самосохранение, выживание, желание переждать кризисные явления в стороне. Впоследствии, понимая опасность подобных настроений в старой армии, начиная с февраля 1918 г., большевистское правительство приступило к ее демобилизации и созданию новой – Красной Армии, ставшей главной ударной силой в Гражданской войне в России.

Примечания

- 1 Варфоломеев Ю. В. Николай Константинович Муравьев : Адвокат, политик, человек. Саратов : Научная книга, 2007. С. 9–10.
- 2 Там же. С. 10.
- 3 См.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 1997. С. 120.
- 4 См.: Максимов Е. К., Тотфалушин В. П. Саратовский край в годы первой мировой войны // Энциклопедия Саратовского края : в очерках, фактах, событиях, лицах / редкол. А. И. Аврус [и др.]. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 2002. С. 272.
- 5 Там же. С. 273.
- 6 См.: Васькин В. В., Герасименко Г. А. Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. С. 92.
- 7 См.: Россия в Мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М. : ЦСУ, 1925. С. 49.
- 8 Письма к редактору // Листок Заволжья. Саратов. 1917. № 193.
- 9 Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 466 (Самарское сыскное отделение. 1910–1917). Оп. 1. Д. 5. Л. 21.
- 10 Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 199 (Казанское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 1021. Л. 32–48.
- 11 Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1 Канцелярия Саратовского губернатора. Оп. 1. Д. 9585. Л. 129–129 об.
- 12 Германские шпионы // Саратовские ведомости. 1917 г. № 23. 22 марта.
- 13 Пирейко А. В. В тылу и на фронте империалистической войны. Л. : Прибой, 1926. С. 5.
- 14 См.: Варфоломеев Ю. В. Г. Е. Распутин и «Распутинада» в судьбе России начала XX века (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2011. Сер. История. Международные отношения. Т. 11, вып. 2, ч. 2. С. 34–40.
- 15 Старцев В. И. Последние дни империи // Страницы минувшего : очерки / сост. Л. М. Анисов. М. : Советский писатель. 1991. С. 129.
- 16 Соболев Г. Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. С. 61.
- 17 См.: Хасин В. В. Национальный фактор и традиционное общество в конструировании имперской идеологии в России начала XX века // Вестн. Саратов. гос. социально-экон. ун-та. 2011. № 5. С. 178–179.
- 18 См.: Ямицкий С. В. Детерминанты солдатской революции 1917 года в России // Историческая психология и социология истории. 2008. Т. 3, № 2(2). С. 172.
- 19 См.: Лебон Г. Психология народов и масс. СПб. : Макет, 1995. С. 234.
- 20 См.: Губернский съезд комиссаров // Саратовские ведомости. 1917. № 60. 6 авг.
- 21 Там же.
- 22 Данилов Ю. Н. На пути к крушению. Очерки из последнего периода русской монархии. М. : Воениздат, 1992. С. 147.
- 23 Отчеты уездных комиссаров // Саратовские ведомости. 1917. № 60. 6 авг.
- 24 Якупов Н. М. Партия большевиков в борьбе за армию в период двоевластия. Киев : Изд-во Киевского ун-та, 1972.
- 25 Отчеты уездных комиссаров // Саратовские ведомости. 1917. № 60. 6 авг.
- 26 Пирейко А. В. Указ. соч. С. 44.
- 27 Васькин В. В., Герасименко Г. А. Указ. соч. С. 89.
- 28 Ионенко И. М. Солдатские массы в Октябрьской Революции. По материалам Поволжья и Урала. Казань : Изд-во Казан. ун-та. 1982. С. 38–44.
- 29 Там же. С. 87–115.
- 30 См.: Герман А. А. Военно-боевая работа большевиков Нижнего Поволжья в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1985. С. 12.

Образец для цитирования:

Аленичева Н. В. Социально-психологические факторы восприятия революционных событий 1917 года в солдатской среде (по материалам Саратовской губернии) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 544–558. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-554-558>

Cite this article as:

Alenicheva N. V. Socio-psychological Factors of Perception in the Soldier Environment of Revolutionary Events of 1917 (According to the Materials of the Saratov Province). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 554–558 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-554-558>